

Система финансирования военнопленных 1812–1814 гг.

Несмотря на то что историки постоянно возвращаются к теме Отечественной войны, в ее истории остается еще много малоизученных вопросов. Одно из таких белых пятен — проблема военнопленных Великой армии. Тема эта в отечественной исторической науке почти не изучалась.

Упоминания о пленных встречаются в дореволюционных краеведческих работах, посвященных столетию Отечественной войны 1812 г. Так, в работе Н.Ф. Хованского по Саратовской губернии имеется глава о пленных. Упоминают о них А.Ф. Шидловский и И.И. Францишкевич в работах по Карелииⁱ. В советское время появились две статьи, посвященные общим вопросам проблемы пленных. Так, М. Любавин пытается установить общее число пленных, а В.Г. Сироткин исследовал проекты массового использования французских пленных в российской экономикеⁱⁱ.

В последние годы появился интересный биографический очерк Акульшина «Последний военнопленный 1812 года» и статьи по материалам местных архивов о пленных в Новгородской и Калужской губерниях. Хочется особенно отметить статьи Бессонова, наиболее полно раскрывающего проблемы пленных в Калугеⁱⁱⁱ.

И все же авторы этих статей положили лишь начало изучению темы. Основная масса документов, лежащая в местных архивах и раскрывающая всю конкретику этой темы, осталась невостребованной.

Ограниченный объем статьи позволяет рассмотреть только один аспект этой огромной темы: систему финансирования пленных. Богатый и интересный материал по этому вопросу обнаружен нами в пензенском архиве. Именно эти сведения стали базовыми для данного материала.

Циркулярные предписания относительно французских пленных регулярно рассылались по губерниям от имени Главнокомандующего в С.–Петербурге начиная с середины августа^{iv}. Но основным документом, регламентирующим все вопросы транспортировки и расселения пленных, было предписание от 29 августа 1812 г. за № 239^v.

Финансированию пленных в этом предписании отведен отдельный пункт: «На содержание пленных назначено в сутки: генералам по 3 руб., полковникам и подполковникам по 1 руб. 50 коп., майорам по 1 руб. Обер-офицерам по 53 коп., унтер-офицерам, рядовым и нижним чинам по 5 коп. и сверх того провиант противу солдатских дач. Следующее им по сему предназначению выдавать впредь на семь дней, а провиант противу солдатского».

Но были из этого правила и исключения. Известны случаи повышенного содержания высших чинов французской армии. Так, генерал барон Де'Летр, будучи в хороших отношениях с петербургским начальством, получал 3 руб. 30 коп. вместо положенных 3-х руб^{vi}.

В некоторые города пленные стали поступать еще до получения этого предписания, и там существовала совершенно другая система расценок. Кое-где эта система в силу тех или иных причин продолжала существовать и после получения предписания. Пример тому Калужская губерния. Пленные в Калугу стали поступать с 11 июля и получали деньги по следующей системе: генерал — 3 руб. суточных, штаб-офицер — 2 руб., а рядовой — 13 коп., т. е. более щедро, чем следовало по предписанию^{vii}. Более того, 14 октября Главнокомандующий Голенищев-Кутузов прислал калужскому гражданскому

губернатору предписание с требованием сохранить прежнюю систему выплат. И несмотря на то, что столичное предписание было получено губернатором еще 29 сентября, он предпочел действовать по инструкции Кутузова и продолжал выплачивать по старым расценкам вплоть до ноября^{viii}.

Знал ли Кутузов о предписании из Петербурга? И если знал, чем объяснить его требования, вступающие в прямое противоречие с указаниями верховной власти?

По мнению Н.И. Ульянова, Кутузов видит в французах не столько врагов, сколько потенциальных союзников. С этой точки зрения он, конечно, был заинтересован в поддержании боеспособности французских военнопленных вплоть до того, чтобы требовать двойного повышения выплаты денег против определенного Петербургом^{ix}.

Но оставим этот спорный вопрос и вернемся к общей системе выплат. Были из нее и другие исключения, обусловленные политической конъюнктурой, и касались они лишь определенных групп пленных. Так, предписание от 29 октября за № 532 требует увеличить испанцам нижних чинов размер суточных в 3 раза и выплачивать 15 коп. вместо 5^x. Предписание от 15 ноября за № 650 приравнивает португальцев к льготам испанцев^{xi}. Позже, в январе 1813 г., когда Пруссия из противника превращается в союзника, прусские пленные отправляются на родину^{xii}.

Обострение обстановки на европейском театре военных действий летом 1813 г. вызывает острую нужду в прусских военных, остававшихся в русском плену, — потенциальных солдатах армии союзников. И из Петербурга рассылаются категоричные требования ускорить отправку пруссаков и значительно увеличить выплаты. Предписание от 22 июля за № 2534 требует увеличить прусским штаб-офицерам суточные вдвое, а обер-офицерам выплатить за месяц вперед^{xiii}.

Но реалии российской глубинки вносили свои коррективы в указания, присылаемые из Петербурга. Во-первых, предписание было далеко не совершенно и не могло учесть всех нюансов в положении и статусе военнопленных Великой армии. В частности, оно не учитывало систему субординации французской армии. Так, в соответствии с системой чинов русской армии, майор был младше подполковника, поэтому и в предписании майор получал суточных меньше, чем подполковник. Во французской же армии майор, как командир штаба полка, стоял выше шефа батальона — подполковника. Это вызывало просьбы пленных в чине майора хотя бы уравнивать их в правах с подчиненными^{xiv}.

Кроме того, не учитывалось то обстоятельство, что во французской гвардии чин стоял выше армейской системы. Это породило путаницу среди российских чиновников. Так, пензенский полицмейстер пишет рапорт губернатору с просьбой разобраться в этом. «...Между обер-офицерами есть один (Игнац Мирии) сержант гвардии Наполеона и получает порционные деньги равно с обер-офицерами ибо в числе их мне сдан»^{xv}.

Дело доходило по абсурду. Майор гвардейских егерей Де'Вундт в своем прошении на имя пензенского гражданского губернатора просит выплачивать ему содержание подполковника на том основании, что в гвардии он состоял на должности шефа батальона!^{xvi} То есть он сознательно принижает свое звание, с тем чтобы получать повышенное содержание! В качестве основного аргумента Де'Вундт выдвигает то, что он получал содержание подполковника до Тамбова. Предварительно сделав запрос в Тамбов, губернатор повысил содержание

Де'Вундту^{xvii}.

Помимо этой путаницы с чинами предписание было далеко не полным и не учитывало некоторые категории пленных. Прежде всего это слуги офицеров, которых было немало. Сохранилась копия запроса пензенского гражданского губернатора тамбовскому от 3 июля 1813 г. «Из числа тех военнопленных офицеров которые доставлены сюда при отношении вашего Пре-ва от 18 июля № 1549 оказались в 1-й партии служители при порутчиках». Далее он пишет, что в списках они не значатся, денег не получают, и он вынужден доложить о них Главнокомандующему в С.-Петербург. В связи с чем он просит тамбовского губернатора «...известить меня сколь можно поспешнее, в каком виде должны считаться упоминаемые служители»^{xviii}.

Пленные офицеры вынуждены были содержать слуг на свои порционные деньги. Но иногда при расформировании крупных групп пленных на более мелкие для отправки в уездные города чиновники, не вникая в суть дела, отправляли офицеров в один город, слуг — в другой, обрекая последних на бедственное положение. Так появляются прошения французских офицеров на имя пензенского гражданского губернатора: «Осмеливаюсь всепокорнейше просить ваше Сиятельство о поставлении мне служителя моего по имени Домиана Стэбля, которой находится в Саранске и которой мне весьма нужен, ибо мои лета и привычки делают его для меня необходимым, притом положение мое не позволяет мне иметь другого.

С глубочайшим пожеланием есть

Всепокорнейший слуга ваш

Де Ламмер, Командир Баталиона»^{xix}.

Следующее прошение от уже знакомого нам майора Де'Вундта, который просит вернуть ему сразу двух слуг — Жана Брауна и Карла Блума — на том основании, что он имеет две глубокие раны и восемь кампаний за плечами^{xx}. Просьбы эти губернатор выполнил, вернув, правда, Де'Вундту только одного слугу — Жана Брауна^{xxi}.

Но как ни печальна была судьба офицерских слуг в русском плену, их тяготы еще как-то можно оправдать. Но среди пленных была еще одна категория — это женщины и дети.

Вот что пишет участник Отечественной войны Глинка:

«Как жалко смотреть на пленных женщин! Их у нас много. Наполеон вел в Россию целый вооруженный народ! Третьего дня видели мы прекрасную женщину, распростертую подле молодого мужчины. Одно ядро лишило их жизни, может быть в минуту последнего прощания. Тогда же в пылу самого жаркого боя, под сильным картечным огнем двое маленьких детей, брат и сестра, как Павел и Виргиния, взявшись за руки, бежали по мертвым телам, сами не зная куда.

Генерал Милорадович приказал их тотчас взять и отвести на свою квартиру. С того времени их возят в его коляске. Пьер и Лизавета, один 7, а другой 5 лет, очень милые и, по-видимому, благовоспитанные дети(...).

Теперь эти бедняжки не вовсе сироты. Вчера между несколькими тысячами пленных увидели они как-то одного и вдруг вместе закричали: “Вот наш батюшка!”

В самом деле это был отец их, полковой слесарь. Генерал тотчас взял его к себе, и он плачет от радости, глядя на детей. Мать их — немка — убита»^{xxii}.

Среди предписаний, распространяемых из Петербурга, есть интересный документ, посвященный двойным пленным: шведам, бывшим в плену у

французов и захваченным русскими. Предписание от 24 июля 1815 г. № 351: «Господин Управляющий Военным Министерством сообщает мне, что жена Шведского подданного типографшика Андерсона, бывшая в плену у Французов и отбитая отрядом Генерал-Лейтенанта Барона Корфа при Городке Красном, просит содействия его о узнании участи бывшего в плену вместе с нею сына ея Ивана, имеющего от роду тринадцатой год, о котором она с того времени не имеет никакого известия»^{xxiii}. В списках пленных постоянно встречаются упоминания о женщинах — от одной до четырех на группу^{xxiv}. В табели на выплату порционных для пленных о женщинах и детях ничего сказано не было, и они не получали денег в течение года. Только к концу лета 1813 г. российскими чиновниками был поднят этот вопрос. Так появилось предписание от 29 августа 1813 г. за № 3157:

«Гп. Нарвский комендант представляя мне, что в числе пленных в Нарву поставленных находятся Штаб и Обер-офицерские, а также и нижних чинов жены, которыя не имеют себе никакого пропитания, испрашивал разрешения: производить ли им также противу пленных порционные деньги.

Представление сие вносил я на рассмотрение комитета Г.Г. Министров, который положил производить на содержание женам военнопленных Штаб и Обер-офицеров и нижних чинов такая же порционные деньги, какие назначены мужьям их, о чем Вашему Превосходительству и предлагаю для руководства в подобных случаях»^{xxv}.

Но помимо несовершенства петербургских указов российская действительность имела еще ряд специфических моментов, отражавшихся на пленных. И одна из таких традиций — казнокрадство. Брали всегда, и в пору расцвета, и в лихую годину тяжелых испытаний родимого Отечества. А тут появилась возможность поживиться за счет басурмана проклятого, француза-безбожника. Конечно, чиновники тщательно старались скрыть подобные «подвиги», но кое-что удалось обнаружить. Среди документов канцелярии губернатора сохранилось предписание пензенской казенной палаты, в котором, в частности, регламентируется механизм выплаты денег пленным:

«Сверх того Палате нужно распорядиться предписаниями дабы пленные могли получать положенные им деньги в Пензе и Саранске чрез Полицмейстера. А в прочих трех городах от городничих прямо уже из тамошних Казначейств...»^{xxvi}. Далее следует, что пленные должны получать деньги начиная с июня 1813 г. по спискам, посланным в казначейства.

Но в начале июля разразился скандал. Пензенский полицмейстер направляет 9 июля рапорт губернатору, в котором говорится, что военнопленный, младший лейтенант Антон Белии должен был быть отправлен в город Краснослободск, но «...оставлен за болезнью в Городе Пензе», а так как числится он в Краснослободске, денег в Пензе не получает, «...он здесь остается без продовольствия» в течение 9 дней^{xxvii}.

Начинается бурная бюрократическая переписка, результатом которой стал ордел губернатора краснослободскому городничему, где губернатор прямо заявляет, что если городничий брал «следующие порционные деньги с 10-го числа Июля на удовольствие назначенного на жительство в Краснослободске и оставленного здесь за болезнью военнопленного подпоручика Белии, то рекомендую вашему высокоблагородию деньги сии немедленно возвратить в уездное Казначейство 28 июля 1813 № 5069»^{xxviii}.

Краснослободский городничий, естественно, клянется в своем рапорте,

что денег он не брал: «Августа 1-го Дня 1813 года из Краснослободского уездного казначейства на означенного подпоручика Белии порционных денег с 10-го числа июля требовано не было»^{xxix}.

Интересно, что губернатор, очевидно по ошибке, требует вернуть деньги не с того дня, когда Белии поступил в больницу, а со дня, когда делу был дан официальный ход, — 10-го июля. И городничий клянется, что он не брал с 10-го июля; значит, до 10-го брал?

Трудно решить, чего здесь больше: сознательного утаивания денег или обычной казенной, чиновничей неразберихи? Одно безусловно — последнее способствовало первому.

Но затем скандал замяли и все осталось без последствий. По всей видимости, это вдохновило краснослободского городничего на дальнейшие искания в этой сфере. Не прошло и двух недель, как случилась новая история.

19 сентября 1813 г. тот же городничий отправляет губернатору рапорт: «Находящийся здесь на жительстве из военнопленных французских госпиталей шеф Жанье Сципион, замечается мною неблагонамеренным к России». Обвиняя далее Сципиона в подрывной деятельности, городничий требует выселить пленного в другое место, где он не смог бы общаться с другими французами^{xxx}. Не вникая особо в суть дела, губернатор просто переводит Сципиона в другой город, где содержатся пленные, — Городищенск^{xxxi}.

По прибытии Сципиона на новое место выясняется, что суть конфликта вовсе не в политической неблагонадежности, а в том, что ему выплачивали порционных денег втрое меньше нормы! Из рапорта городищенского городничего губернатору от 23 октября: «...Но как из сообщения также и из самого аттестата не видно, какого он Сципион чина и по сколько получает на продовольствие Денег, на Спрос же мой о себе объявил, что он в чине подполковника, а получал только 50 коп. в сутки»^{xxxii}.

3 ноября из канцелярии губернатора в пензенскую казенную палату идет соответствующее распоряжение: «Об отпуске следующих ему на продовольствие денег из Городищенского уездного Казначейства со дня окончания выдачи оных в Краснослободске с 21 прошедшего октября»^{xxxiii}. Но по странному стечению обстоятельств распоряжение это до Городищенска не доходит, строптивый француз остается вообще без денег.

Из рапорта городищенского городничего от 8 декабря: «Об отпуске находящемуся здесь в городе военнопленному французских госпиталей шефу Жанье Сципиону на удовлетворение его жалованьем которое еще за неполучением в городищенском уездном казначействе указа от 21 минувшего октября месяца жалованьем не удовлетворяется и имеет в пропитании великую нужду»^{xxxiv}.

Думается, этот урок надолго отбил у пленного желание требовать положенных ему денег.

Но общество состоит не из одних чиновников. Гражданские лица проявляли порой больше заботы и милосердия по отношению к пленным, чем те, кому эту помощь положено было оказывать по долгу службы. Так, частные лица нередко брали пленных с государственного обеспечения к себе на жительство. В основном брали к себе пленных военные. Нужно учесть, что среди военных тогда существовал особый, интернациональный кодекс чести. Могли присутствовать здесь и национальные мотивы. Так, полковник Фон Кенкель, немец по национальности, просит отпустить на квартирование к себе именно немецкого пленного.

Из рапорта краснослободского городничего губернатору от 18 июля 1813 г.: «Господин Полковник Финкенкло, живущий в трех верстах от здешнего города в деревне, просит меня дозволить одного из военнопленных французской армии, живущих под моим присмотром из немцев, офицера, ко себе квартировать»^{xxxv}.

Когда пленных забирали к себе на жительство, государственные выплаты прекращались и расходы на содержание пленных ложились на плечи гостеприимных хозяев. Рапорт мокшанского городничего губернатору от 6 июня 1814 г. говорит о прекращении выплаты 58 коп. в день двум военнопленным обер–офицерам Оливье и Бонифасу, поскольку их взял к себе на жительство гвардии подпоручик Жуков^{xxxvi}.

Но брали не только офицеров. Так, в рапорте того же городничего от 6 марта 1814 г. просьба разрешить отдать военнопленного рядового Н. Гильмара на содержание генерал–майора П.В. Долгорукого^{xxxvii}.

Широко известна помощь пленным высокопоставленных особ из царской семьи. Так, племянница Фридриха Великого, урожденная принцесса Вюртембергская София Доротея, ставшая российской императрицей Марией Федоровной, имела среди пленных немало родственников и знакомых и по мере возможности пыталась им помочь. Циркулярное предписание Главнокомандующего в С.–Петербурге за № 666 от февраля 1814 г.:

«Ея императорскому Величеству Государыне Императрице Марии Федоровне благоугодно, дабы Ваше Превосходительство учинили вернейшую выpravку: не находятся ли, или же не находились ли в числе пленных на жительстве в Губернии Вам вверенной расположенных:

- 1). Капитан 13–го легкого пехотного полка Жизанкур.
- 2). Брат его драгун французской гвардии Флоримон де Жизанкур.

Буде они окажутся в живых оба или один из них, то выдать им 200 руб., которые по извещении имеют быть возвращены.

Для лучшего удостоверения, что они точно те, которые отыскиваются, спросить у них, как зовут их сестру? Имя которой Шарлотта, а в малолетстве называлась Лолотта»^{xxxviii}.

Помогала пленным и жена Александра I — императрица Елизавета Алексеевна — урожденная принцесса Баден–Баденская Луиза. Но она помогала, в основном, переправлять письма пленным в обход запретов и перлюстрации^{xxxix}.

В настоящее время изучено лишь незначительное количество общего корпуса источников по военнопленным, и расширение источниковой базы позволит выявить немало интересных фактов. Пока же найденные документы ставят перед исследователем больше вопросов, чем дают ответов.

Примечания

ⁱ Хованский Н.Ф. Участие Саратовской губернии в Отечественной войне. Саратов, 1912, с.229–251; Шидловский А.Ф. Памяти императора Александра I–го Благословенного и Отечественной войны для жителей Олонекского края. Петрозаводск, 1912, с. 15–19; Францишкевич–Яновский И.И. Памятная книжка Олонекской губернии на 1812 год. Петрозаводск, 1912, с.41–45.

ⁱⁱ Любавин М. Пленные 12–го года//Нева, 1987. № 9, с. 194–196; Сироткин В.Г. Судьба французских солдат в России//Вопр. истории, 1974. №3, с.129–136.

ⁱⁱⁱ Акульшин П. Последний военнопленный 1812 года//Мир музея, 1993. № 1, с.69–70; Савинова И.И. Гроза 1812 г. и новгородская земля. Новгород, 1992, с.51–55; Бессонов В.А. Военнопленные 1812 г. в городе Калуге//Калужская губерния в Отечественной войне 1812

-
- г. Материалы науч. конф. Малоярославец, 1994, с. 97–112.
- ^{iv} ГАПО.Ф.5, оп.1, д.419, № 1.
- ^v Там же, л.1.
- ^{vi} Францишкевич И.И. Указ соч., с.43–44.
- ^{vii} Бессонов В.А. Указ соч., с.135.
- ^{viii} Там же, с.106–107.
- ^{ix} Ульянов Н.И. Александр I — император, актер, человек//Родина, 1992. № 6–7, с.142–143.
- ^x ГАПО.Ф.5, оп.1, д.419, л.10.
- ^{xi} Там же, л.11.
- ^{xii} ГАПО.Ф.5, оп.1, д.461, л.1
- ^{xiii} Там же, л.1.
- ^{xiv} Бессонов В.А. Указ соч., с.185.
- ^{xv} ГАПО.Ф.5, оп.1, д.459, л.13.
- ^{xvi} Там же, л.75.
- ^{xvii} Там же, л.77.
- ^{xviii} Там же, л.37.
- ^{xix} Там же, лл.68,72,73
- ^{xx} Там же, лл.69,74,75.
- ^{xxi} ГАПО.Ф.5, оп.1, д.459, л.76.
- ^{xxii} Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., 1985, с.173.
- ^{xxiii} ГАПО.ф.5, оп.1, д.461, л.33.
- ^{xxiv} ГАПО.ф.5, оп.1, д.459, л.45; д.509, л.15; д.419, л.61.
- ^{xxv} ГАПО.ф.5, оп.1, д.419, л.61.
- ^{xxvi} ГАПО.ф.5, оп.1, д.459, л.32–33.
- ^{xxvii} Там же, л.58.
- ^{xxviii} Там же, л.60.
- ^{xxix} Там же, л.53
- ^{xxx} ГАПО.Ф.5, оп.1, д.461, л.56.
- ^{xxxi} Там же, л.59.
- ^{xxxii} Там же, л.62.
- ^{xxxiii} Там же, л.63.
- ^{xxxiv} Там же, л.96.
- ^{xxxv} ГАПО.Ф.5, оп.1, д.459, лл.62–63.
- ^{xxxvi} ГАПО.Ф.5, оп.1, д.509, л.23.
- ^{xxxvii} Там же, л.17.
- ^{xxxviii} ГАПО.Ф.5, оп.1, д.461, л.23.
- ^{xxxix} ГАПО.Ф.5, оп.1, д.459, л.80.